

Александр Восьмой

Прихоть 2 Легенды двора

18+

Александр Восьмой

Прихоть 2 Легенды двора

«Автор»

2026

Восьмой А.

Прихоть 2 Легенды двора / А. Восьмой — «Автор», 2026

Местные легенды гласят: лавка закрывается ровно в 22:00, и никто не может её задержать. Никто, кроме Олега, который готов на любые уловки и переговоры, чтобы успеть купить самое важное. Юмористический эпос о борьбе с неумолимым временем. Алкаш Олег и легенды Двора.

© Восьмой А., 2026

© Автор, 2026

Александр Восьмой

Прихоть 2 Легенды двора

Глава 1. Лавка, которая не ждёт

В наших краях говорят: солнце встаёт для всех, а садится — по расписанию лавки. Ровно в 22:00 окно зарешечивается, свет гаснет, и двор погружается во тьму, из которой нет выхода до утра. Никто и никогда не задерживал закрытие. Пенсионерка Зинаида Марковна пыталась — опоздала. Школьник Витька пытался — опоздал. Даже участковый, говорят, однажды прибежал с пустой сумкой — и, клянусь двором, опоздал. Но у Двора есть легенда. Его зовут Олег. И у него — план.

Олег стоял у витрины, будто полководец перед решающей битвой. В руке — смятая десятка, в глазах — святая вера в то, что время можно уговорить, как строгую тётю из бухгалтерии. На часах было 21:58. Две минуты до апокалипсиса.

— Ну давай, родная, — шептал он стеклу, будто уговаривая капризную лошадь. — Ещё чуть-чуть. Ещё одну баночку шпрот. Ради всего святого.

Внутри лавки тётя Клава, хранительница весов и порядка, уже натягивала чёрный чехол на кассовый аппарат. Её движения были отточены годами: сначала чехол, потом решётка, потом — тишина. Она не смотрела в сторону Олега. Она вообще не смотрела на тех, кто приходит после 21:45. Это была её профессиональная защита от драмы.

Но Олег не собирался сдаваться. Он достал козырь.

— Тётя Клава! — крикнул он, прижав лицо к стеклу. — У меня мама болеет! Ей срочно нужны эти шпроты! Это лекарство!

Тётя Клава на секунду замерла. Даже весы будто затаили дыхание.

— Какие ещё шпроты-лекарство? — буркнула она, не оборачиваясь. — Это консервы. Из рыбы.

— Это особый сорт! — не моргнув глазом, продолжал Олег. — С витаминами. Для иммунитета. Врач лично сказал: «Только эти, и только до 22:00!»

— Врач? — Тётя Клава наконец повернулась. В её взгляде читалось столько скепсиса, что им можно было бы мариновать огурцы. — И как фамилия этого врача?

Олег на мгновение завис. В голове пронеслись все фамилии, которые он когда-либо слышал: Иванов, Петров, Сидоров... Но ни одна не звучала достаточно авторитетно.

— Э-э... Профессор Шпроткин! — выпалил он. — Да! Доктор медицинских наук! Специалист по рыбной терапии!

Тётя Клава прищурилась так, что даже решётка на окне вздрогнула.

— Шпроткин? — переспросила она. — И что, он прямо так и сказал: «Шпроты до 22:00»?

— Именно! — уверенно кивнул Олег. — Потому что после 22:00 они теряют лечебные свойства. Это научный факт!

На часах было уже 21:59. Двор замер в ожидании. Даже кошка, которая обычно гоняла пакеты по асфальту, присела и уставилась на витрину, будто понимала: сейчас решается судьба не только шпрот, но и всего миропорядка.

Тётя Клава вздохнула. Она знала, что спорить с Олегом — всё равно что пытаться уговорить чайник не кипеть. Бесполезно, но почему-то хочется.

— Ладно, — сказала она, подходя к витрине. — Но только одну банку. И чтобы без разговоров.

Олег едва не подпрыгнул от радости.

— Спасибо, тётя Клава! Вы просто ангел! — воскликнул он, протягивая десятку. — Я вам потом расскажу, как мама выздоровела!

— Не надо, — отрезала она, отсчитывая сдачу. — Просто приходи до 21:30. У меня нервы не железные.

На часах щёлкнуло 22:00. Решётка с лязгом опустилась, свет погас. Двор снова погрузился в привычную темноту. Олег вышел, прижимая к груди заветную банку, словно это был не продукт из отдела консервов, а артефакт древних цивилизаций.

А где-то в глубине лавки тётя Клава тихо пробормотала:

— Шпроткин... Ну конечно.

И закрыла дверь на ключ.

Глава 2. Олег и естественный отбор

Двадцать минут до закрытия. Триста рублей в кармане. И одна-единственная надежда — что Светлана сегодня в настроении слушать легенды. Олег стоял у зарешечённого окна, как гладиатор перед воротами арены, только вместо меча у него была смятая купюра, а вместо славы — острая необходимость купить банку кильки в томатном соусе. Не просто кильки. Той самой. С этикеткой, где рыба смотрит прямо в душу.

Светлана сидела за кассой, будто королева на троне из чеков и скрепок. Её взгляд был твёрд, как бетонная плита, и так же дружелюбен. Она уже накинула чехол на кассу — это был негласный сигнал: «Дальше только легенды, и те не факт, что помогут».

— Светлана! — выдохнул Олег, прижимаясь к решётке так, будто через неё можно было просочиться внутрь силой воли. — У меня ситуация!

Светлана подняла бровь. Это была её фирменная техника: одной бровью она могла остановить оползень.

— Ситуация, — повторила она, словно пробуя слово на вкус. — Это когда трубу провало. Или кота с дерева снимают. А не когда в двадцать один сорок ты вспомнил, что без кильки жизнь — боль.

Олег не сдавался. Он знал: в переговорах с кассирами главное — масштаб. Чем эпичнее угроза, тем выше шанс на успех.

— Это не просто килька, — произнёс он торжественно, будто объявлял государственный указ. — Это стратегический продукт.

Светлана моргнула. Впервые за вечер в её взгляде мелькнуло что-то похожее на интерес.

— Стратегический? — переспросила она. — В смысле, для обороны двора?

— Именно! — подхватил Олег, чувствуя, что поймал волну. — Если я не куплю эту банку до 22:00, рухнет баланс Вселенной. Начнётся цепная реакция: сначала соседи перестанут здороваться, потом дворник уволится, потом... потом вообще всё пойдёт прахом.

Светлана посмотрела на него так, будто пыталась определить, шутит он или уже всерьёз верит в свою теорию.

— Олег, — сказала она строго, но уже без прежней ледяной твёрдости. — Ты мне прошлый раз рассказывал, что без сухариков начнётся экономический кризис в микрорайоне.

— То были сухарики, — спокойно парировал Олег. — А это — килька. Уровень угрозы выше. Это как сравнивать спичку и вулкан.

На часах щёлкнуло 21:52. Во дворе что-то скрипнуло — то ли качели, то ли сама реальность, пошатнувшаяся от тяжести Олеговых аргументов. Кошка Мурка, местная наблюдательница, уселась на бордюр и уставилась на решётку, будто знала: сейчас будет кульминация.

— Ладно, — вздохнула Светлана, вставая из-за кассы. — Но только одну банку. И чтобы без лекций про баланс Вселенной.

Олег едва не прослезился от благодарности.

— Спасибо, Светлана! Ты спасаешь не только меня — ты спасаешь квартал! — прошептал он, протягивая триста рублей. — Я это запомню. На века.

Она покачала головой, пробивая чек с таким видом, будто оформляла пропуск в параллельную вселенную.

— На века, — буркнула она. — Только приходи завтра до 21:30. У меня план по спокойствию.

В 22:00 решётка лязгнула, свет погас, и двор снова погрузился в привычную тишину. Олег вышел, прижимая к груди банку кильки, словно это был священный артефакт, способный удержать мир от распада.

А из-за решётки донеслось тихое:

— И чтобы больше никаких стратегических продуктов.

Олег улыбнулся в темноту.

— Посмотрим, — пробормотал он. — Завтра может понадобится стратегический чай.

Глава 3. Переговоры с дверью

Олег стоял перед опущенными рольставнями, будто рыцарь перед неприступной крепостью — только вместо щита у него был пустой пакет с надписью «Свежее каждый день», а вместо копья — отчаянная решимость. На часах было 21:57. Три минуты до того момента, когда лавка официально переставала быть местом торговли и становилась монолитом из металла и принципа.

Рольставни не отвечали. Они вообще не были настроены на диалог. Их молчание было не просто тишиной — это была философия. «Мы закрылись. Точка».

Но Олег не привык сдаваться перед философией.

— Я всё видел! — выкрикнул он в узкую щель у косяка, словно обращался к древнему духу порога. — Я всё понял! Я изменился!

Ветер подхватил его слова и унёс в тёмный двор, где на лавочке уже собирались свидетели. Завтра эта фраза будет цитироваться с интонациями пророчества: «Он сказал: „Я изменился!“ И даже рольставни будто вздрогнули».

— Да что ты там бормочешь? — донеслось из темноты. Это была Зинаида Марковна, пенсионерка и главный хроникёр двора. — Опять на пять минут опоздал?

— Не опоздал! — не оборачиваясь, возразил Олег. — Я на финишной прямой! Сейчас договорюсь!

Он снова повернулся к рольставням и понизил голос до доверительного шёпота, каким обычно уговаривают капризных детей и упрямых собак:

— Ну давай, родная... Всего одну пачку печенья. Обычного, без изысков. Просто чтобы совесть не грызла.

Рольставни остались глухи.

Олег вздохнул. Иногда приходилось переходить к тяжёлой артиллерии. Он достал из кармана козырь — не блестящий, но действенный.

— Слушай, — сказал он уже не рольставням, а скорее пространству за ними, — я знаю, где живёт электрик, который обслуживает вашу сигнализацию.

Пауза. Даже двор будто замер. Даже кошка Мурка перестала гонять фантик и уставилась на Олега, как на человека, который только что произнёс заклинание.

— И что? — раздался из-за рольставней голос тёти Клавы. Она не показывалась — только голос, сухой и колючий, как старая вешалка.

— А то, — спокойно продолжил Олег, — что этот электрик — мой троюродный брат по несчастью. Мы с ним в одном ЖЭКе на собрании сидели. Три часа слушали про трубы. Это сближает.

Ещё одна пауза. Длинная. Тягучая. В ней слышался скрип шестерёнок чужого терпения.

— Ты мне угрожать вздумал? — уточнила тётя Клава.

— Ни в коем случае! — поспешно ответил Олег. — Просто... если вдруг понадобится что-то с электричеством... я могу передать привет. Лично. С печеньем.

Из-за рольставней донёсся тяжёлый, многозначительный вздох — такой, каким боги наказывают смертных за излишнюю изобретательность.

— Ладно, — наконец сказала тётя Клава. — Поднимай. Но только чтобы без драм. И чтобы это печенье не оказалось «стратегическим продуктом», как твоя прошлая килька.

Олег едва не подпрыгнул от радости, но сдержался — знал, что резкие движения могут быть восприняты как провокация. Он сделал шаг назад, поднял руки, будто сдавался, и тихо произнёс:

— Обычное печенье. Для души. Честное слово.

Рольставни медленно поползли вверх, скрипя, как старые воспоминания. Тётя Клава стояла в проёме, скрестив руки, и смотрела на Олега так, будто пыталась запомнить каждую деталь его лица — на случай, если потом придётся давать показания.

— Быстро, — скомандовала она. — У меня тут сигнализация не сама себя обслуживает.

Олег влетел внутрь, схватил первую попавшуюся пачку печенья — с изюмом, как потом оказалось, — и протянул её вместе с деньгами так, будто вручал орден за заслуги перед человечеством.

— Спасибо, тётя Клава, — выдохнул он. — Ты не просто кассир. Ты — хранитель равновесия.

— Держи равновесие у выхода, — буркнула она, пробивая чек. — И чтобы больше никаких переговоров с дверью. Она и так нервная.

Ровно в 22:00 рольставни опустились снова — уже без драм, без клятв и без угроз электрикам. Двор погрузился в привычную темноту, в которой теперь жила новая легенда.

А на лавочке у подъезда Зинаида Марковна кивала, будто всё видела и всё одобряла:

— Вот это я понимаю... Переговоры. Не то что эти ваши дипломаты.

Олег вышел на улицу, прижимая к груди пачку печенья, и улыбнулся в темноту.

— Завтра, — пробормотал он, — попробую договориться насчёт чая. С лимоном. Это тоже почти стратегический продукт.

Глава 4. Двор, который помнит

Пятничная ночь пахла мокрым асфальтом, дешёвым одеколоном из ларька и предчувствием катастрофы. Олег шёл через двор, прижимая к боку сумку, в которой звенело так, будто внутри репетировал маленький колокольный монастырь. Каждый шаг отдавался в районе рёбер эхом всех прошлых пятниц — и всех будущих, которые ещё только собирались случиться.

Двор знал Олега. И Олег знал двор. Они были на «ты» уже лет десять: он кивал фонарному столбу, как старому знакомому, а двор в ответ подкидывал ему то потерянный ключ, то внезапный совет от случайного прохожего. Но в ту пятницу между ними впервые повисло недопонимание.

— Ты куда так летишь? — окликнул его дядя Витя с третьего подъезда, выйдя покурить. — Лавка-то в десять закрывается.

Олег замер. Сумка звякнула, будто смеялась над ним.

— В десять? — переспросил он, чувствуя, как внутри что-то медленно и неумолимо оседает. — А у меня часы на двенадцать показывают.

Дядя Витя хмыкнул, выпустил дым колесом и кивнул на киоск, где уже опускали решётку:

— Тут свои часы. Местные. Они не по Москве идут. Они по расписанию тёти Клавы.

И тут Олег понял: он проиграл, даже не начав битвы. Стрелки на его наручных часах бодро бежали вперёд, будто хотели сделать ему приятное, а настоящие, дворовые, уже щёлкнули на 21:58. Две минуты до конца.

Он рванул к киоску, как спринтер на последнем метре, только вместо финишной ленты перед ним была решётка, которая опускалась с издевательской неторопливостью.

— Подождите! — выкрикнул он, протягивая руку, словно мог удержать металл силой воли. — Ну ещё полминуты!

Тётя Клава, уже в пальто, с ключами в руке, посмотрела на него без злости — скорее с усталостью человека, который каждый вечер видит одну и ту же сцену, только с разными героями.

— Всё, Олег, — сказала она спокойно. — Время вышло.

— Но у меня же деньги! — возразил он, вытаскивая смятые купюры. — И желание! И даже список!

— Список не принимается, — отрезала тётя Клава. — Только наличные. И только до закрытия.

Решётка лязгнула, встала на место. Свет погас. Двор замер, будто сам удивился, как быстро всё закончилось.

Олег остался стоять у тёмного окна, прижимая к груди сумку, которая теперь звенела не торжественно, а виновато. Где-то рядом, у гаражей, блестела лужа — она отражала фонарь, и в этом отражении Олег увидел себя: нелепого, торопливого, вечно опаздывающего к главному.

Из темноты донёсся голос дяди Вити:

— Не переживай. В следующий раз успеешь.

— А если нет? — тихо спросил Олег.

— Тогда двор запомнит, — усмехнулся дядя Витя. — Тут всё помнят. Даже то, чего не было.

С той пятницы Олег и начал свою войну со временем. Он изучал расписание, высчитывал маршруты, запоминал, когда тётя Клава пьёт чай и когда у неё «пять минут на себя». Он говорил с двором, будто тот мог подсказать ему лазейку в минутах. Он даже пытался договориться с часами на башне в соседнем квартале — правда, безуспешно.

А двор слушал. И шептал в ответ: «Ты почти успел. Ещё чуть-чуть».

Теперь, когда Олег снова стоял у лавки, зная каждую трещинку на асфальте и каждый скрип рольставней, он понимал: это не просто покупка банки кильки или пачки печенья. Это ритуал. Это его способ сказать времени: «Я здесь. Я не сдаюсь».

И пусть стрелки бегут вперёд, пусть решётка опускается ровно в 22:00, а тётя Клава смотрит на него с той самой усталостью — двор помнит. Помнит каждую его попытку, каждое «ещё полминуты», каждую звенящую сумку и каждую лужу у гаражей.

Потому что в этом дворе легенды рождаются не из подвигов, а из упорства. Из того самого упрямства, которое заставляет человека снова и снова подходить к закрытой двери и говорить: «Я изменился. Я всё понял».

И где-то на лавочке Зинаида Марковна кивает, будто всё видела:

— Да... С той самой пятницы и началось. Хороший был вечер. Хоть и без покупок.

Олег улыбнулся в темноту, поправил сумку — теперь в ней не звенело, а тихо шелестело: пачка печенья, банка кильки, пара пакетиков чая. Маленькие трофеи в войне со временем.

— Завтра, — пробормотал он себе под нос. — Завтра попробую успеть до 21:45. Чисто ради принципа.

Двор тихо хмыкнул в ответ — то ли ветром в листве, то ли чьим-то смешком из темноты. И Олег понял: его услышали.

Глава 5. Света, или Женщина за стеклом

Светлана сидела за кассой, будто валькирия на боевом посту: прямая спина, взгляд, способный остудить кипяток, и палец, лежащий на кнопке закрытия смены. Для неё 21:58 была не просто цифрой — это был приговор, который не обжаловался. Она видела всё: и серенады под

окном, и трогательные записки, аккуратно просунутые в щель, и даже кота, которого Олег специально научил садиться на козырёк — мол, пусть смотрит печальными глазами, это работает.

Но Светлана держалась. У неё был регламент. А регламент — это крепче бетона и убедительнее любой лирики.

Олег стоял по ту сторону стекла, как посол на переговорах, где ставка — одна банка шпрот и собственное достоинство. В руках — полторашка лимонада, не как взятка, а как жест доброй воли. Он верил: если начать с правильного символа, дальше пойдёт легче.

— Света, — произнёс он проникновенно, постучав по стеклу так деликатно, будто боялся разбудить витрину. — Я пришёл не с пустыми руками. Я пришёл с миром.

Светлана не шелохнулась. Только чуть приподняла бровь — ровно настолько, чтобы показать: она заметила, но не впечатлена.

— Это лимонад, — продолжил Олег, поднимая полторашку, как поднимают флаг перемирия. — Натуральный. Без консервантов. Почти как дружба.

— Дружба не продаётся в бутылках, — сухо ответила Светлана, не глядя на напиток. — И не принимается в качестве оплаты.

— Я и не предлагаю! — поспешно сказал Олег. — Это... культурный обмен. Чтобы снять напряжение. Чтобы мы оба могли выдохнуть и посмотреть на ситуацию шире.

Она наконец посмотрела на него — прямо, без снисхождения, но и без злости. Так смотрят на человека, который каждый раз изобретает новый способ опоздать, и это уже почти вызывает уважение.

— Олег, — сказала она, и в её голосе прозвучало что-то среднее между усталостью и интересом. — Ты хоть раз приходил до 21:30? Просто чтобы не устраивать тут эпос?

— До 21:30 — это скучно, — честно признался он. — Это как прийти на фейерверк, когда он уже закончился. Где драма? Где напряжение? Где момент, когда ты понимаешь: ещё минута — и всё пропало?

Светлана чуть заметно усмехнулась — самую малость, но этого хватило, чтобы в груди у Олега что-то радостно ёкнуло.

— Ладно, — вздохнула она. — Говори, что надо. И быстро. У меня смена заканчивается через три минуты.

— Шпроты! — выпалил он, будто боялся, что слово застрянет в горле. — Те самые. С этикеткой, где рыба смотрит с надеждой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.